

Людмила
Максимова

Одному
как согреться?

Людмила Максимова

Одному как согреться?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48479148

ISBN 9785005066695

Аннотация

Трагичные и смешные, грустные и веселые, как сама жизнь, истории о любви и не только. Людмила Максимова. Одному как согреться? Сборник рассказов ориентирован на вдумчивого читателя. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Одному как согреться?	5
Лида	21
Третий день	37
Коляня	42
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Одному как согреться?

Людмила Максимова

© Людмила Максимова, 2019

ISBN 978-5-0050-6669-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Одному как согреться?

– Ну привет, дорогая. Извини. Немного заблудилась. Давно ждёшь?

– Здравствуй, Аллочка. В сравнении с прошлым разом всего ничего, какой-то час. Ты делаешь успехи в вождении. Похоже, дороги начинают вести туда, куда тебе хочется. Я заказала кофе и вареники с вишней. Ты не против?

– Отлично. Как настроение?

– Ты знаешь, я сегодня проснулась, подошла к зеркалу и всё поняла.

– И что же ты поняла?

– Надеяться не на что. Надежда умерла. И как полагается, последней.

– Если ты об этом говоришь, значит, надежду ещё можно воскресить, а там сама собой вернётся вера... в себя, а вслед за ней, глядишь, и любовь нечаянно нагрянет. И потом, дорогая моя, я у тебя кто? Я у тебя – косметолог. Посмотри, что я принесла. Это крем ночной питательный, это – дневной увлажняющий. А этот под глазки, наноси утром и вечером. Не забывай.

– Постараюсь.

– Алё, подруга, ты где? О чём ты всё думаешь?

– Извини. Да, я слушаю тебя внимательно.

– Вот это правильно. Слушай меня внимательно, и всё бу-

дет хорошо. Смотри, это питательная маска...

– С надеждой и верой всё более или менее понятно, а вот любовь... Жуткая путаница с этой самой любовью. Всяк понимает как хочет. У поэта Давида Самойлова я недавно читала: «И всех, кого любил, я разлюбить не в силах».

– Ты хочешь сказать, что и этого негодяя, муженька своего бывшего, разлюбить не в силах?

– Смотри что понимать под любовью.

– Да он же мерзавец.

– Можно ли винить человека в том, что он полюбил другую женщину?

– Любовь любовью. Действительно, никто толком не знает, что это такое. Но есть же в конце концов нравственные обязательства перед женщиной, законной, заметь, женой, которая лучшие годы тебе посвятила. Ни черта в своей жизни не видела, кроме ожидания, переездов, стирки и готовки. Специальность потеряла, ребёночка даже не родила. Всё потом, может быть... когда любимый позволит. И вот наступило это потом. И что мы видим? А мы видим эту скотину в генеральских погонах на экране телевизора круглосуточно. Любуйтесь: высоконравственная личность на страже законности. Мог хотя бы квартиру приличную оставить. Жлоб. Почему ты не подала на раздел имущества?

– Ему нужнее, у него молодая жена и дети.

– Ага, а ты одна на стар... то есть, ну ничего. Прости, что затеяла этот разговор. А его бог накажет, увидишь.

– А знаешь ли ты, что, осуждая человека, мы тем самым берём его грех на себя?

– Да ну?

– В общем, избавляем его от необходимости искупления. Так что бог его вряд ли накажет.

Два голоса, оба медовые, один тёмный, гречишный, другой ближе к цветочному, неспешные, густые, тягучие, сначала незаметно втянули в дрёму, наполненную жужжанием пчёл детского дачного полудня, потом невнятным смыслом последних фраз, вызвавшим смутную тревогу, выдернули в реальность.

Медленно, опасаясь всколыхнуть начавшуюся было утихать боль в висках, Иван приоткрыл глаза. Как сквозь слюду, едва различил за соседним столиком кафе два полупрофильных силуэта. Женщины.

Очередная волна муторной тоски изготовилась обрушиться с новой силой. Надо было защищаться. Сознание вяло предложило малоубедительный аргумент: мол, так получилось, ну выпил лишнего, столько лет не виделись, к тому же друг старался, рискуя семейным покоем, пригласил к себе в дом женщину, кажется, свою сослуживицу со странным именем Изумруд. Или Зумруд?

Она возникла во второй похмельный полдень вместе с головной болью, заполнив всё пространство квартиры резким визгливым голосом и терпкой похотью.

Потом в Андрюхином кабинете прямо на скользком кожаном диване, на шатком письменном столе, на голом холодном паркете и ещё он и не помнит на чём с несвойственной восточным женщинам порочностью творила с ним нечто невообразимое. Наконец, уже окончательно протрезвевший, по-джентельменски переждав серию её притворных оргазмов, он решительно высвободился из тяжёлых влажных объятий и сбежал.

Долго бродил среди слепых, похожих на огромные корабли домов Васильевского острова. После полуночи вернулся с бутылкой виски. И с цветами. Всё-таки дама.

Но чуткий к настроению друга Андрей, к великому облегчению Ивана, уже выпроводил потускневший изумруд, сославшись на скорое возвращение жены. Что неожиданно оказалось правдой: видимо, почуяв чужую самку на своей территории, ни свет ни заря примчалась с дачи Татьяна – Андреев ангел-хранитель и жена в одном очень симпатичном лице.

Цветы пришлись как нельзя кстати. Татьяна приняла их с царственной снисходительностью, не выразив ни грамма недовольства по поводу обилия пустых бутылок из-под спиртного и следов помады на фужерах.

Иван попытался ретироваться к себе на Петроградскую, где в потемневших от пыли углах родительской квартиры серебром переливались паучьи кружева, где его уже много-много лет никто не ждал и куда ему ой как не хотелось

ехать.

Татьяна предложила остаться на обед. И он благодарно погрузился в непривычный домашний уют с царящей в нём Женщиной.

С её появлением квартира мгновенно изменила цвет, запах и звучание. Через широко распахнутые окна добровольно уплыли тучи сигаретного дыма, запахло пирогами, котлетами, жареной картошкой и огурцами, а колокольчатый её голос хоть и поругивал мужчин, но очень хотелось, чтобы он не умолкал: «Мальчики, ну что же вы себя не жалеете? Вы только задумайтесь, вас и так из группы осталась треть, вон и Колька на прошлой неделе умер, цирроз печени, заметьте. И тебе, Ванечка, может, хватит уже по свету мотаться, всех африканцев не вылечишь. С таким талантом и опытом тебя любая питерская клиника с руками и с ногами оторвёт. А хочешь, давай к нам в академию. И женись. Сколько можно бобылём мыкаться. А хочешь, мы тебя с хорошей женщиной познакомим? А, Ванечка?..»

Повезло Андрюхе с женой, что и говорить. А какие жеребцы перед ней, молодой красивой лаборанткой, землю копытом рыли, не чета рыжему субтильному курсанту-второкурснику Андрюхе. Вот и пойми этих женщин.

Иван с трудом приподнял тяжёлые веки и огляделся, ему показалось, что последнюю фразу он произнёс вслух. Судя по отсутствию реакции окружающих, действительно показав-

лось.

Он потянулся в сторону чашки с недопитым кофе. Но она исчезла, а на освободившемся месте, прижавшись друг к другу пластмассовыми боками, в нижней части целомудренно укрытые уголком белой салфетки, лежали нож и вилка. Как муж с женою на брачном ложе под белой простынёй. Ничего себе ассоциации. Надо же, как разобрало.

– Ой, не знаю. Это всё слишком мудрёно.

Иван внимательней посмотрел в сторону женщин. Цветочный голос принадлежал блондинке. Так и должно быть. Стало быть, гречишный, грудной, горячий – той с гречишного цвета коротко стриженным под мальчика затылком. Вот и славно. Сошлось. Возникло ощущение начала восстановления мирового порядка.

Чётко очерченные припухлые губы блондинки снова энергично задвигались, и головная боль самым чудесным образом вновь начала стихать.

– Завтра приедешь в салон, я тебе маску кислородную сделаю. К Новому году будешь молодая-красивая.

– А зачем?

– Как зачем? Кстати, как твой адвокат?

Иван прислушался, отметив с удивлением, что просто слышать медовые голоса, оказывается, уже недостаточно. Ему вдруг стало любопытно, кто такой адвокат и какое отношение он имеет к подруге Алочки.

Он подался вперед, делая вид, что высматривает офици-

анта. И напряг слух. Брюнетка, чуть склонив голову, слегка отвернулась к окну. На фоне серого городского пейзажа со снующими чёрными фигурами Иван увидел плавный овал смуглого лица. Его цвет идеально сочетался с цветом волос и тембром голоса. Мир ещё на шаг приблизился к совершенству. Иван напрягся, боясь не услышать ответ.

Но пауза затягивалась. Он почувствовал лёгкое беспокойство и едва сдержался, чтобы самому не повторить вопрос. Наконец ровно заструился гречишный мёд:

– Предлагает переехать к нему. И невозможно много проносит слов. А слова полые.

Его жена тоже не скупилась на слова. И он верил каждому её слову. Он не умел не верить. Так его воспитали. Дома, в школе, в академии. Он и в коммунизм верил. Тогда он ещё не знал, что слова бывают как пустая ореховая скорлупа. И часто существуют отдельно от смысла.

Она называла его «солнышко», «радость моя», «любимый», «единственный». И он верил, что он солнышко, радость, любимый. Особенно в то, что он единственный.

Она считала себя красавицей. Он и в это поверил, хотя прежде ему нравились девушки совершенно противоположного типа. Её внешность почти соответствовала нордическому имени Алла. У неё были тонкие губы, тонкий прямой нос, резко очерченные квадратные скулы. Ему долго не удалось поймать взгляд её наполовину прикрытых веками бе-

гающих глаз. На свадьбе при выкупе невесты на вопрос свидетельницы, какого цвета глаза у невесты, он беспомощно, ища подсказки, обвёл взглядом гостей, и выяснилось, что никто не знает, что они у неё цвета бочкового кофе с молоком. Он узнал это гораздо позже в ярко освещённой театральной гримёрной. Сама она утверждала, что глаза у неё карие.

Иван почувствовал испарину и зашарил по карманам в поисках носового платка. Пот тяжёлыми каплями стекал по щеке, застревая в трёхдневной щетине. Иван попробовал взглянуть на себя со стороны, глазами, например, молоденькой официантки. И увидел седого небритого старика с помятым одутловатым лицом, да ещё и мокрым от пота.

Не найдя этот чёртов платок, он в раздражении потянулся к нарядному вееру бумажных салфеток и резко дёрнул одну из них.

Салфетка оборвалась, и массивная вазочка с грохотом ударилась о стол. Все немногочисленные посетители кафе обернулись на звук. Иван вскочил и, склонившись в полупоклоне, прогудел сиплым басом, обращаясь почему-то к сидящим за соседним столиком женщинам:

– Прошу прощения.

Несколько крупных капель пота упали на стол. Иван смотрел, как на белой бумажной скатерти расплываются пятна. И зачем-то стал их считать. Сосчитав, поднял голову и виновато обвёл глазами зал. Но на него никто уже не обращал внимания.

Женщины спокойно продолжали беседу.

– Ещё бы ему не звать тебя замуж. Умная, добрая, даже слишком. А тебе оно надо – опять себя в бесплатные горничные определять? Ой, ты знаешь, я со своим вчера поругалась. Достал. Видите ли, не то мы с дочкой по телевизору смотрим. Вот мы должны смотреть его дурацкий футбол. Расстроилась, ночь не спала. Утром, правда, помирились, ну, ты понимаешь... Но ведь ночь не спала. А одна моя клиентка, нашего, кстати, возраста, сама мужа выгнала. Надоел. Обхаживай их, готовь, стирай. А они ещё с дивана твякают. Говорит, как выгнала его, так не наладуется. Живёт в своё удовольствие.

– Так уж в удовольствие? Я думаю, лукавит. Хотя, наверное, бывает, что и лучше одной.

Женщины надолго примолкли. Наконец гречишный голос продолжил почти неслышно. С первой фразы Иван узнал стих из Екклесиаста:

«Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их. Ибо, если упадёт один, другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадёт, а другого нет, который поднял бы его. Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться?»

Молоденькая официантка наконец принесла его заказ. Есть не хотелось. Шевелиться тоже. Хотелось слушать медовые голоса. Головная боль совсем утихла, но казалось, если

исчезнут голоса или, что ещё страшнее, их обладательницы, боль вернётся и оккупирует его бедную седую, а местами заметно лысеющую голову навсегда.

Но гречишный голос, чуть прибавив громкости, продолжил:

– В сущности, все действия человека мотивируются одним из двух чувств – любовью или страхом. Всё дело в том, что на глубинном уровне моей мотивацией в последнее время является страх.

– И чего же ты боишься?

– Одинокой старости. «Одному как согреться?» Но страх – это энергия разрушения. Созидательна только любовь.

– А почему бы тебе этого адвоката не полюбить? Вроде такой респектабельный. Сама говоришь, квартира шикарная, машина дорогая. Вдовец. Вполне даже симпатичный мужичок для своих шестидесяти. Или адвокат в постели никакой?

– Не в этом дело. Помнишь, у Осипа Мандельштама: «И море, и Гомер – всё движется любовью». Истинная любовь, я думаю, такое самодвижущееся чувство, корни которого надо искать в иных мирах. Например, Ибн-Хазм, это андалузский поэт, так вот, он понимал любовь как союз душ, заключённых до создания мира, душ, сотканных из той же первозданности, которая воплощается в реальных индивидуумов. И, воплотившись, эти индивидуумы ищут друг друга, жаждут встречи, потому что их связывает магнетическая

тяга. С адвокатом я встречи не жажду.

– Ничего, может, ещё встретишь своего индивидуума.

– Ой, да о чём ты? В мои-то годы кого я могу встретить?

Посмотри вокруг, одни алкоголики.

Блондинка послушно огляделась. Споткнувшись взглядом об Ивана, согласно кивнула.

– Ну и живи одна в своё удовольствие. Ты женщина самостоятельная. Зарабатываешь неплохо. Скоро пенсия, хоть небольшая будет, но всё же. Никто тебе и не нужен.

Иван насторожился. О чём это блондинка говорит? Судя по фигурам, им максимум лет по сорок пять.

Брюнетка снова повернула голову к окну и чуть слышно, обращаясь в серое ноябрьское небо, почти прошептала:

– Нужен.

– Да где наш заказ? Тебе не кажется, что пока мы здесь сидим, можно было не только налепить вареников, но и слетать за вишней в жаркие страны? Но мы дождёмся, да? А с завтрашнего дня сядем на диету. Впрочем, тебе не обязательно.

– Фигурой бог не обидел. Да вот лицо меняется не в лучшую сторону, Аллочка.

Брюнетка по-прежнему была обращена к Ивану аккуратным стриженным затылком, но, мысленно нанеся, как талантливый график, на полотно её голоса несколько отрывочных коротких штрихов: линию шеи, мягкий овал щеки, округлый кончик носа, траекторию взмаха тонкой кисти руки, движение изящного торса чуть вперёд и вправо к сидящей с торца

стола собеседнице, он почти безошибочно, как выяснилось позже, представил себе её лицо. И нашёл его очаровательным.

Интересно, как зовут брюнетку? Блондинку, понятно, Алла. Красивое имя, два «а» и два «л». Распевное. Мистическое.

– А спорим, Алла тебе не даст.

– Да нужна она мне больно.

И закончить бы на этом разговор. Так нет, как же, ему, самому видному, самому умному, самому-самому – да не даст. Еще и Адрюха привязался, как банный лист к заднице, спорим да спорим. Пospорили. Дала. Через месяц заявила, что беременна. Пришлось жениться, не вылетать же из академии.

Журчание медовых голосов вернуло его к действительности.

– Аллочка, ну почему слова «старость» и «некрасивость» воспринимаются нашим сознанием как синонимы? Весна, конечно, прекрасна, никто не спорит, но «осенняя пора – очей очарованье». Хотя нет, не совсем удачный пример. Если уж проводить аналогию с возрастом, то ранней осени соответствует возраст от сорока до сорока пяти. А мы с тобой где-то в конце чёрно-серого ноября.

– Ой, да ладно тебе самоуничижением заниматься. Яркая эффектная женщина. Ну-ка глянь на меня. Губку слева надо

приподнять. Сделаем.

– Не надо, ничего не надо делать. Нет, ну скажи, почему такая, какой меня сотворила природа, в мои годы я уже считаюсь некрасивой? Почему нужно непременно обманывать возрастом? Подрезать, подкалывать... Почему? Я думаю, что среди множества навязанных человеку от рождения оценочных представлений самое спорное – это представление о красоте. У Уолеа Уитмена есть такая мысль: «Женщины бывают молодые и старые. Молодые красивы, а старые ещё красивее».

Иван одобряюще крякнул. Он не знал, кто такой Уолт Уитмен. Но мужик, видать, толковый.

Иван вспомнил свою маму. Ей было пятьдесят пять, когда внезапно скончался отец. Эта страшная весть отыскала Ивана лишь на вторые сутки в Ливии. Добирался он пятью бортами. Успел к поминкам.

Мать внесла в комнату папины любимые пирожки с рисом, медленно подошла к столу, белая, осунувшаяся, но такая необыкновенно красивая, осторожно поставила поднос на стол, опустилась на краешек стула, ласково-печально посмотрела на сына и тихо прошелестела, едва разжав губы: «А ты живи, сынок, долго». Осела и умерла.

– Но если все будут думать, как твой Уитмен, косметологи останутся без работы. А я старости не боюсь.

– Это оттого, что ты живёшь в пространстве любви. Так бывает, когдаходишь в возраст, бережно неся из юности

дарованную богом любовь. Это далеко не каждому удаётся по разным причинам.

– Я бы не сказала, что мы так уж бережно несли нашу любовь. Всю жизнь балансируем на грани развода. Если бы не дети...

– Да, дети.

Иван явственно ощутил привкус горечи в гречишном мёде. Ему захотелось провести ладонью по стриженому затылку и прижать его к груди. Он сам удивился собственной сентиментальности. Стареет, брат. Нестерпимо захотелось курить. Осторожно, чтобы не привлечь внимание женщин, он выбрался из-за стола. Стараясь не попасть в их поле зрения, заказал у барной стойки кофе и направился к выходу.

Да, дети... Алка делала аборты. Он не возражал. А первая «беременность» оказалась банальной ловушкой. И брак то ли был, то ли не был. Правда, пять лет она прожила с ним на Курилах. Потом его стали отсылать в горячие точки. Он охотно принимал назначения. Понятно, что жену с собой не брал, опасно. Но и других женщин не знал, ждал отпуск, рвался к жене.

Однажды, забыв позвонить, примчался в театр, где она работала костюмершей, и со всей накопившейся за год воздержания дури рванул со счастливой улыбкой дверь гримёрной, сорвал хлипкий крючок. И застыл, налетев на мутные от страсти глаза цвета бочкового кофе с молоком над во-

лосатым плечом амбала, стоявшего к нему спиной со спущенными, звенящими металлическим ремнём штанами. Его огромный голый зад сжимали с двух сторон стройные ножки с маленькими ступнями. Ножки его жены. Зад энергично двигался, всё глубже вдавливаясь в пространство между приспущенных шёлковых чулочек, которые он, Ваня, привёз ей из Харбина. А она, не отрывая от глаз мужа своего отсутствующего взгляда, продолжала громко взвизгивать и стонать, пока не откинулась, едва не ударившись головой о зеркало. И Иван увидел отражённое лицо неизвестного ему мужика с разинутым чёрным ртом, из которого вырывался звериный рык.

Отношений они не выясняли. Что там было выяснять? Но с тех пор к возникающим в его жизни особям противоположного пола он ничего, кроме презрения, не испытывал.

А сегодня происходит что-то странное. Эти излечившие его от головной боли женщины, чью болтовню он уже битый час слушает, и слышит, и вникает в смысл, и не раздражается... Эта хрупкая брюнетка с неизвестным именем, которую он и в лицо-то не видел, вызвавшая в его задубевшей под африканским солнцем душе приступ нежности...

Иван бросил недокуренную сигарету в урну, поднялся по лестнице и в проёме двери в зал столкнулся с ней лицом к лицу. Пример мгновенного исполнения желания. Он недавно вычитал, что быстрота осуществления желания за-

висит от его силы. Это какой же силы оказалось его желание! Мысли, такие лишние в данный конкретный момент жизни, мелькали где-то на задворках его сознания. На переднем плане царил вакуум. Только учащённо, как после забега на длинную дистанцию, билось сердце. Она смотрела ему прямо в глаза спокойным ласково-печальным маминым взглядом.

– Вы позволите? – сказала она и улыбнулась.

– Да, конечно, простите, – ответил он и не сдвинулся с места. Она продолжала терпеливо ждать, не отводя взгляда.

Наконец он опомнился и отступил. На углу коридора, ведущего к туалетным комнатам, она обернулась, но Иван не видел этого, потому что торопливо спускался по лестнице, прикуривая на ходу.

Когда он вернулся, за соседним столиком сидели совсем другие люди.

Женщины с медовыми голосами исчезли.

Иван угрюмо попросил счёт. Запел мобильный телефон. Звонила Татьяна, извинялась, что забыла отдать ему пакет с пирожками, звала на обед в следующие выходные.

– Спасибо, Танюха. Приеду. И не один. С любимой женщиной. Да-да, с женщиной. Молодая? Конечно. Да, красивая, очень красивая, – весело гудел он в трубку, не отрывая глаз от голубой салфетки с длинным рядом ярко-красных цифр, выглядывающей из-под чашечки с дымящимся кофе. – Как зовут? Как зовут, пока не знаю.

Лида

Всю свою жизнь Лида просидела в почтовом ящике. Так называлось конструкторское бюро, куда она попала по распределению. Что именно оно конструировало, для Лиды так и осталось загадкой.

Почти тридцать лет она изо дня в день, не считая выходных и отпускных, вставала в пять часов утра. В пять сорок уже толкалась в переполненном автобусе, ухитряясь стоя подремать. Досыпала в вагоне метро, мчавшем её с одного конца города в другой. А в семь пятьдесят пять сидела за рабочим столом и, как все её сослуживицы, приводила себя в порядок: приглаживала незатейливую причёску, похожую на «бабушкин пучок», протирала запотевшие очки, припудривала курносый носик. Из-за стеклянной перегородки за ними хмуро наблюдал заведующий отделом патентования, единственный на весь коллектив мужчина – Мойша Львович Весёленький.

Имя, которое он почему-то не сменил на менее анекдотичное для уха советского человека, например Михаил, как это делали во времена неофициального антисемитизма многие евреи, вполне соответствовало внешности захудалого местечкового портного. А вот непонятно каким образом приобретённая фамилия сильно диссонировала с его вечно недовольным хмурым видом. Особенно удивляло наличие

молодой жены, единодушно признанной первой красавицей всего КБ, и троих совершенно не похожих на отца смешливых ребятишек, рождённых за один раз, тройняшек.

Но самым поразительным был факт наличия двух любовниц, работающих под руководством Веселенького в том же отделе, что и жена. Когда она, гордо вскинув головку, утешала себя: «Мой Мойша, хоть и не красавец, зато однолюб», – каждая его женщина, загадочно улыбаясь, с этим соглашалась.

Дело в том, что Мойша Львович, помимо многих прочих талантов, например, он прекрасно играл на скрипке, обладал редким даром убеждения. В этом, скорее всего, и была разгадка тайны столь завидного успеха у прекрасного пола. Каждая его женщина искренне полагала себя единственной его любовью на веки веков. Каждая находилась в роли обманутой дурочки. Но выглядела таковой только законная жена. Что отнюдь не способствовало стремлению Лиды когда-нибудь выйти замуж.

Так уж случилось, что именно Мойша Львович стал единственным мужчиной всей Лидиной жизни. Что заставило его увеличить свой тайный гарем ещё на одну женщину, не известно. Сам он полагал эту необременительную связь как бы актом милосердия. Неведомую ему в силу атеистического воспитания заповедь Иисуса «возлюби ближнего своего» иудей по рождению Мойша Львович тем не менее исполнял аккуратно и не без удовольствия.

На последнем курсе института, однажды подняв голову от конспектов и оглядевшись, Лида обнаружила, что все её однокурсники и однокурсницы взаимно переженились и теперь посмеиваются над её девственностью.

Лида призадумалась. Среди мало-мальски знакомых ей парней неженатым оказался только щуплый рыжий Петька, с которым в своё время она немало времени просидела в яслях на соседних горшках. За неимением других кандидатур Лида решила отдаться Петьке. Но ничего хорошего не получилось. То есть вообще ничего не получилось. Они так старательно наливались шампанским в ожидании пробуждения сексуального влечения, что просто банально уснули и мирно проспали всю ночь, по-детски держась за руки.

К тридцати годам Лида прислушалась к своему организму и поняла, что ему всё-таки нужен мужчина. Поэтому, когда Мойша Львович однажды вызвал её в кабинет и, по обыкновению угрюмо глядя в стол, спросил, когда она бывает дома одна, Лида ответила, что в пятницу вечером её родители обычно уезжают за город.

– В пятницу в восемь ждите в гости. Я люблю пироги с рыбой. Свободны, – буркнул он, не поднимая век.

Лида, продолжая проживать свою жизнь в непрерывном ожидании мифического счастья и в повторяющемся с различной частотой ожидании то обеденного перерыва, то окончания рабочего дня, то окончания недели, включила в этот

список ещё и третью пятницу месяца.

В означенный день, проведив родителей, она пекла пироги с рыбой. Мойша Львович появлялся ровно в восемь вечера. Торопливо вынимал из дипломата гвоздику, бутылку «Алб де масэ» и три конфетки. Лида каждый раз задавалась вопросом, почему именно три, но за двадцать лет так и не решилась спросить. Примерно через час начинался новый отсчёт времени.

В свободное от ожиданий время Лида читала, чаще всего стихи. Иногда стихи Лида писала. Но случалось с ней такое лишь в дни сильных потрясений. То есть очень редко. Точнее, всего трижды за всю жизнь.

Первая партия высыпалась из Лиды, когда одноклассницы вдруг объявили ей бойкот. Сам по себе этот бойкот ничего не менял в её жизни. И до него она с девочками почти не общалась, предпочитая им мальчишек своего двора.

Лида была существом миролюбивым и, как всякая тонко организованная натура, чутким к чувствам окружающих. Разрушительную волну враждебности она почувствовала ещё за несколько дней до возникновения организованной против неё коалиции. Исходила эта волна от Таньки, ставшей впоследствии идейным руководителем и вдохновителем бойкота. Танька была самой красивой девочкой в классе. Лида не достигала ей и до груди, к четырнадцати годам вполне внушительной.

– Танечка, что случилось? Я тебя чем-то обидела? – спросила она, встав на цыпочки и пытаясь заглянуть девочке в глаза.

Танька молча схватила её за волосы и несколько раз стукнула лбом о парту. Лида почти месяц ходила с синяком под каждым глазом, но никому не пожаловалась, что и привело Таньку в бешенство.

Поведение Лиды было во всём не понятным Таньке. Она чувствовала в ней непроявленную внутреннюю силу. Эта тайная сила пугала и, как всё неведомое, вызывала раздражение и агрессию.

Но не подумайте, что эти удары о парту или презрительная холодность одноклассниц вытряхнули из Лиды целых семь стихотворений за один день.

Девочку потряс факт наличия в мире ненависти. Она, не умея выразить словами, чуяла сердцем, что ненависть порождается страхом и что страх – это стихия, противоположная любви. А бесконечное и многообразное в своём проявлении противоборство этих двух стихий и есть то, что люди называют жизнью. Повинуясь какому-то внутреннему зову, Лида записывала свои смутные ощущения в стройные рифмованные строки.

Стихи попали на глаза учителю литературы. Он долго пытал Лиду, кто автор этих «произведений». Лев Максович так и говорил – «произведений», делая ударение на «э», причём с высочайшим пиететом. И никогда бы не поверил, что

сочинила их ничем не выдающаяся ученица девятого класса, с трудом тянувшая на тройку по русскому языку и литературе. Не поверил бы, если бы не знал Лиду как девочку, пожалуй, даже излишне правдивую и простодушную. Короче говоря, все семь Лидиных стихотворений напечатали в трёх подряд номерах журнала «Юность». Учитель литературы гордился этим так, словно сам был их автором. А Лида совсем не гордилась, хотя получила гонорар от издательства и предложение редактора присылать свои новые произведения.

Но новые произведения не производились по требованию. Даже перспектива славы не помогала. И Лида забыла, что она поэт.

Известно, что ненависть хранит в себе зародыш любви. Не имея тому никаких доказательств, Лида была уверена, что в строптивом и гордом сердце Таньки живёт тайная тяга к её, Лидкиному, сердцу, покорному и смиренному. Осязала тем не известным науке органом, каким наделены только поэты. Даже редко пишущие стихи или совсем их не пишущие. А таких поэтов на свете гораздо больше, чем пишущих непоэтов. И слава богу. Девочка оказалась права. Перед самым окончанием школы эта тяга проявилась так явно и так страстно, что, случись эта история после перестройки и гласности, девочек вполне могли причислить к сексуальному меньшинству. Но эта любовь была выше и чище. Если

в ней и присутствовала эротическая составляющая, то проявлялась лишь редкими робкими касаниями рук.

Но куда уводила Лиду фантазия! Танька этого не узнала. Она умерла от менингита сразу после выпускного вечера.

В первые сорок дней после её смерти ещё хоть как-то дышать Лида могла только на могиле подруги. Там и возник сначала ритм, настойчиво стучавший где-то в области затылка. Через несколько дней проявились слова. И снова, сама не понимая зачем, Лида торопливо записывала тексты, лишь изредка делая незначительные правки. **И только** Поставив точку в седьмом по счёту стихотворении и прочтя их заново, стала понимать смысл написанного. Она даже попыталась объяснить родителям, что Танькино земное, испорченное болезнью, а потому ставшее ненужным тело осталось лежать в земле, что теперь у её подруги другое тело, и поэтому невозможно общаться с ней с помощью органов чувств, которых у живущих на Земле всего пять. Но Лида обладает ещё одним, шестым по счёту чувством, которое даётся не всем, а только тем, кто любит.

Первая посмертная беседа с подругой случилась во сне. Танька сказала голосом, абсолютно лишённым эмоциональной окраски:

– Ты так сильно не скучай. Я иногда буду с тобой разговаривать.

– Но я хочу целовать твои щёчки, – заплакала она в ответ.

– Это невозможно.

Лиду поразило отрешённое спокойствие Танькиного лица. И она поняла, как ничтожно её желание в сравнении с тем огромным, что с ними осталось навсегда.

Тем же летом родители настояли на поступлении в институт. Лида подчинилась. Ей было всё равно в какой. Для зачисления на гидромеханический факультет ближайшего к дому Политехнического института достаточно было сдать на две тройки и четвёрку все предметы, а сочинение, которого она больше всего опасалась, и вовсе шло зачётом.

Через пять с половиной лет институт Лида с горем пополам окончила. Ровно и бесцветно потекла её жизнь, состоящая из ожидания обеденного перерыва, окончания рабочего дня и недели, а впоследствии ещё и вечера третьей пятницы и, главное, редких, невероятно счастливых, невозможных вне снов встреч с Танькой.

И вот пришёл день, когда Лиде вдруг уступили место в автобусе. Она удивилась, но села. И огляделась. Все, абсолютно все вокруг оказались поразительно молодыми. Ничего удивительного, горько подумала Лида, через несколько лет я стану обладателем пенсионного удостоверения, где чёрным по белому будет выведен безжалостный вердикт: «по старости». Всю дорогу Лида потерянно смотрела в окно. Спать не хотелось.

Добравшись до рабочего места, она не стала припудривать носик, а принялась разглядывать своих сослуживиц. На-

до же, как на самом деле все изменились! Располнела и подурнела первая красавица КБ, у Маринки тройной подбородок, Людмила ещё держится, но нет прежнего огня в глазах. Она, по крайней мере, родила мальчика, удивительно похожего на Мойшу Львовича. А Лида вот не родила. Постыдилась родителей, тайно сделала аборт, а потом уже и не беременела. И что теперь? Замуж поздно, сдохнуть рано? А может, не поздно?

Родители Лиды до самой смерти, мечтая о муже для дочери, пугали её одинокой старостью. И теперь она ощутила острый, панический ужас перед надвигающейся неизбежностью. Надо что-то делать, весь вечер думала Лида, а наутро впервые в жизни вошла в двери открывшегося недавно на первом этаже их многоэтажки салона красоты. Довольно молодая врач-косметолог, которая, к изумлению Лиды, оказалась её ровесницей, всего за несколько сеансов превратила Лиду в красавицу, какой она никогда не была, и посоветовала между прочим сходить в клуб знакомств.

И Лида пошла. Вступать, правда, в клуб не стала, ограничилась просмотром анкет потенциальных женихов. Более-менее подходящим по возрасту мужчинам оставила записки с предложением познакомиться для серьёзных отношений, где честно указала свой возраст, а также номер домашнего телефона.

Почти все позвонили в тот же вечер. Бархатные завораживающие баритоны, почти правильная речь, обстоятельный

интерес к её персоне, описание своих практически безгрешных жизней породили в душе Лиды надежду. Она согласилась встретиться со Станиславом и Альбертом. Носителю простонародного имени Степан пообещала как-нибудь перезвонить. В отличие от Альберта и Станислава, он не задал ей ни одного вопроса, спотыкаясь на каждом слове, пытался рассказать бородатый анекдот и настаивал на немедленной встрече. Не мой человек, подумала Лида.

В субботу утром Лида поправила новую причёску, надела новую норковую шубку, на которую наконец накопила, новые сапожки на высоких каблуках и, волнуясь до дрожи в коленках, отправилась навстречу новой жизни. Но, когда она легко, как девчонка, спрыгнула с эскалатора, желая произвести впечатление на «среднего возраста импозантного мужчину без вредных привычек и жилищных проблем», оказалось, что её никто не ждёт.

Станислав появился минут двадцать спустя. Им оказался очень высокий, очень худой и очень пожилой мужчина с длинными седыми волосами, перехваченными шнурком от ботинок. Не извинившись за опоздание, он тут же попросил Лиду называть его Стасиком. Довольно долго водил по Невскому проспекту в поисках кафе, где ему полагалась скидка на вторую чашечку кофе. Наконец, изрядно намочив под дождём шубку, Лида оказалась в битком набитом молодыми людьми тесном зале. Не спросив желания дамы, кавал-

лер заказал две чашечки кофе. Лида намекнула на сок, кофе она с детства терпеть не могла. Но Стасик прочёл длинное нравоучение об отвратительном качестве заводских соков. Лида спорить не стала, тем более что имела в виду свежееотжатый.

Попивая свой, а затем и Лидин кофе, Стасик причмокивал искусственной челюстью и нарочито громко вещал, какой он бесподобный любовник, нежный и сильный, как он доводит до оргазма семнадцатилетних девчонок и как мастерски делает куни.

– Простите, сколько же вам лет? – содрогаясь от стыда и отвращения, поинтересовалась Лида.

– Если честно, шестьдесят. – Стасик поскромничал по меньшей мере лет на двадцать. – И знаете, Лидочка, я предпочитаю женщин до тридцати, но вы неплохо выглядите. Я могу доставить вам наслаждение, какого вы не знали в своей жизни. Поверьте мне. Вы знаете, что такое куни?

– Не знаю. И знать не хочу. Простите. Мне пора.

– Ну и дура, – бросил он ей в след.

На свидание к второму претенденту Лида твёрдо решила не идти. Но пошла, остыв и подумав, во-первых, что это неудобно, ведь человек ждёт (тогда мобильные телефоны были ещё большой редкостью). Во-вторых – а вдруг!

На этот раз она появилась в назначенном месте, на углу Лиговского и Кузнечного переулка, с опозданием на десять минут. Долго растерянно крутила головой в поисках «солид-

ного мужчины спортивного телосложения ростом метр семьдесят пять».

– Лида?

– Да, – оглянулась она на голос. Перед ней стоял едва достигавший ей до плеча субтильного вида мальчик с морщинистым лицом сильно пьющего старика. – Добрый вечер, я Альберт, – прогудел он, дохнув перегаром.

– Извините, я Люда, – неожиданно быстро нашлась Лида, солгав чуть ни в первый раз в жизни.

Вернулась домой совершенно обессиленная. Долго стояла в прихожей перед зеркалом, покачивая из стороны в сторону головой. Потом криво улыбнулась своему отражению, сбросила прямо на пол всё, что на ней было надето, и пошла в ванную. Больше часа стояла под горячим душем, словно пытаясь смыть что-то невидимое, но отвратительно липкое.

Под утро Лиде приснилась неизвестная женщина. На вид лет тридцати. Но Лида почему-то знала, что это Танька. Женщина смотрела строго и с укоризной. Лиде сделалось ужасно тоскливо. Она заплакала.

– Возьми меня к себе. Я совсем одна. Пожалуйста, возьми, – умоляла она.

О Мойше Львовиче Лида почему-то не вспомнила.

– Ещё семь, – загадочно улыбаясь, сказала женщина Танькиным голосом.

– Мы будем с тобой вместе?

– Надо, чтобы ты этого очень захотела.

Тяжело, с неохотой возвращалась в то утро Лида из царства Морфея. Что значит семь, думала она, сидя за кухонным столом и механически размешивая сахар в чашечке с чаем. Ещё семь лет? Или дней? Или месяцев? Какая разница? Дни похожи один на другой, как крупинки сахарного песка. И так же бесследно тают.

И тут зазвонил телефон. Она вздрогнула. Долго не подходила. Но телефон не умолкал. Пришлось ответить.

– Да.

– Лида? Привет. Это Степан. Ну так давай встретимся что ли?

– Простите, какой Степан?

– Ну вот, здрасьте вам. Ты мне записку оставила, что, мол, хочешь познакомиться. Уже забыла? Вспоминай. Ты где живёшь?

– Я? Далеко.

– От какого места далеко?

– Ну...

– Короче, дело к ночи. Куда ехать? Судя по номеру, это Выборгская сторона. А давай-ка через час у метро «Политехническая» пересечёмся. Там неподалёку ресторан «Водопад» имеется. Пообедаем.

Плохо отдавая себе отчёт почему, Лида согласилась. И мир странным образом изменился. Пространство разделилось пополам и трансформировалось в два круга разно-

го цвета, синий и изумрудный, внутри которых чернели точки-зрачки. Дьявол, подумала Лида. Ещё через минуту она целовала тёплые губы, не в силах оторваться хотя бы для того, чтобы глотнуть вина. Они почти не говорили. Степан сказал, что он дантист. Какая разница, подумала Лида. Он пытался шутить. За напускной весёлостью томилась тоска. Причиной тоски было непроходящее похмелье, но она об этом не догадывалась.

– Лидок, а ты при ближайшем рассмотрении ещё ничего себе. Завтра утром я принесу тебе кофе в постель. Пойдём к тебе.

– Спасибо, но я не пью кофе.

Сексуальные отношения представились ей стихией разрушительной, противоположной той, что возносила её теперь до вершин абсолютного блаженства. Ни один мужчина не способен этого понять. А Дьявол – тем более.

– Не сегодня, – с трудом отрывая себя от его губ, добавила она.

– Ну так я тебе позвоню. Завтра.

– Позвони.

– Ты будешь ждать?

– Ждать буду.

Время возобновило своё движение. Но ожидание звонка сделало его тягучим. Это ожидание, возникшее вопреки предзнанию неосуществимости невозможного, выматывало её. Смутная, робкая мечта о счастье земной любви, возник-

шая в первый момент встречи, истекала в бездну отчаяния.

Лида ждала восемь дней и восемь ночей. На девятые сутки посыпалось. Последнее, седьмое стихотворение начиналось так:

Их ровно семь, не шесть, не восемь,

Рождённых в день поминовенья, —

Запечатлённые мгновенья

Того, что мы у Бога просим,

Но как-то вскользь и впопыхах,

Чему убийцей был мой страх,

И что теперь живёт в стихах...

И заканчивалось:

...Любви земной?

Того, что больше,

Того, что чётче и что дольше,

Чем Гималаев вечных тень,

Воспетого в девятый день.

Лида распечатала тексты на принтере и позвонила Степану:

– Мне необходимо тебя увидеть.

– Хорошо, еду, – от встреч с женщинами он редко отказывался. Объяснял это тем, что похмелье суть состояние, близкое к умиранию, и потому живой организм стремится реализовать инстинкт продолжения рода.

– Это тебе, прочти, пожалуйста, – сказала она, смущённо улыбаясь.

– Что это?

– Стихи.

– И всё? А к себе не пригласишь?

– ...

– Ага, понятно. Хотя не очень. А стишки я дома прочту.

Ну пока.

Стёпа поспешил к метро, на другом конце города его ждала другая женщина. Он надеялся, что не такая дура, как эта серая мышка. Лидин подарок сунул, разумеется, не читая, в ближайшую урну.

Через неделю в автобусе по дороге домой Лида перестала дышать.

– Такая молодая! – сокрушались пассажиры, пока врачи пытались её оживить:

– Давай, милая, давай, дыши.

– Нет! Ни за что! – кричала, воспаряясь над собственным телом Лида.

И мне ответил Бог:

– Я даровал тебе твой слог —

Твой посох, он верней плеча

Того, что ищешь, дни влача.

Любовь живёт в иных мирах!

Конечно, её никто не слышал. Да это и не важно. Счастливая, она устремилась на встречу с Любовью.

Третий день

Мой свекор, дед Николай, царствие ему небесное, пил методично и регулярно, как он сам говорил, «через два на третий». На протяжении долгих лет это был непреложный закон его существования. Что бы ни происходило вокруг: бесконечные приезды и отъезды многочисленных родных, свадьбы и разводы, слабые и мощные, с драками и без, но регулярные скандалы его сыновей друг с другом и со своими жёнами, приезды слабоумной дочери с малолетними хулиганами, переезды, ремонты, болезни, пожары, мировые катаклизмы, да хоть конец света – «третий день» начинался, протекал и заканчивался всегда одинаково. Вне зависимости от наличия в доме гостей или друзей – впрочем, своих друзей у свекра не было, разве что иногда захаживал сосед-алкоголик, что никак не меняло дело – этот день дед Николай проживал один.

Перед третьим днём был «канун». В «канун» по мере приближения «третьего дня» возбуждение нарастало. Тощее тело свекра болталось из комнаты в комнату со всё возрастающей частотой. Иногда он замирал у телевизора, привлечённый яркими вспышками и всегда громким звуком, от чего раздражался ещё больше и ругал матерно каждого, кто попадался на пути. Больше всех доставалось Антонине Дмитриевне, его жене. Но она, движимая ненасытной жадностью

и к работе, и к деньгам, продолжала невозмутимо строчить на швейной машинке. Обшивая городскую элиту, она зарабатывала впятеро больше меня, начальника патентного отдела крупного предприятия, и своего сына, художника-оформителя, но фраза «денег нет» повторялась ею по тысяче раз на дню. К тому же она давно смирилась с неотвратимостью «третьего дня».

И вот он наступал – третий день! В радостном возбуждении дед Николай просыпался раньше обычного, доставал из холодильника кусок жирной свинины и любовно варил её на газовой плите, пока все спали.

В вожделенные одиннадцать утра он первым входил в магазин и покупал бутылку водки. Нежно прижав её к чахоточной груди, почти бежал домой и наспех готовил некое блюдо, называемое тюрей. В миску нарезался лук, крошился ржаной хлеб, загружался творог, и всё это заливалось прямо из-под крана холодной водой, ржавой и пахнувшей хлоркой.

Фирменную свою закуску дед Николай готовил в алюминиевой миске. Остывшее к тому времени сало уже ожидало его на треснутой и сколотой по краям тарелке, а водку он собирался пить из помутневшего от долгого употребления гранёного стакана.

В период хрустального бума Антонина Дмитриевна заполнила все обозримые и необозримые полки серванта рюмками и бокалами, которыми никто никогда не пользовался. Имевшаяся в доме дорогая столовая посуда также являлась

лишь символом благополучия и никак не предназначалась для «третьего дня».

Деда потряхивало от возбуждения. Дрожащей рукой, почтительно стоя, он откупоривал бутылку. Ритмично-мелодичный звон, производимый от соприкосновения бутылки и стакана, заглушавший постукивание швейной машинки, возвещал конец прелюдии и начало действия.

Первые полстакана давались деду непросто. Захлёбываясь и роняя драгоценные капли, он трудно глотал, долго кряхтел и откашливался, потом, отхлебнув из алюминиевой миски, заедал салом. Постепенно взгляд его светлел и теплел. Отвердевшей рукой он наливал следующие полстакана. Пил смакуя, не спеша. Водка входила легко и свободно, можно сказать, радостно. Дед доставал из кармана огромный носовой платок, тщательно вытирал ослабевший нос, закуривал папиросу и глубоко задумывался. Потом, глядя бледно-голубыми глазами в никуда, начинал говорить.

Его речь представляла собой нагромождение имён и грубейших матерных слов, сплетённых в уму непостижимые фразы. Иногда вдруг проскакивали обычные слова и, блеснув, как алмазы, исчезали в грязном потоке брани.

Но он не бранился. Он мыслил. Тяжело и трудно. Его мозг, наконец освобождённый от ожидания «третьего дня», будто ворочал залежи породы, ища ответ на, видимо, мучивший деда Николая и потому рефреном звучавший вопрос: «Кому надо?» В воспоминания из жизни рабочего вклинивались

имена великих мира сего, а в мировых катастрофах смутно угадывалось ощущение его собственной вины. Никогда не читавший Достоевского, он излагал известную формулу отца Ферапонта, сказанную Алёше Карамазову на смертном одре о том, что всякий пред всеми за всех и за всё виноват, звучавшую в интерпретации деда Николая, мягко говоря, несколько иначе.

Религия в его речи прямо не присутствовала, имя Божие даже всуе не поминалось. Дед Николай был звеном когда-то крепкого рода, раскулаченного и теряющего жизненные силы по причине пьянства, запуганного Советской властью до такой степени, что и в наступившие новые времена даже расслабленный алкоголем мозг одного из его представителей в этой части рассуждений себя контролировал. Слов не было, но мысль путалась и билась где-то около вселенской истины. Сроду не знавший о существовании заповедей Моисея, дед практически цитировал их, обращая к своим непутёвым детям и алчной жене:

– Не блядуй, не хоти чужого, уважай отца, хоть и ху..ый он, и не воруй, всё отнимет.

Кто этот тот, кто отнимет, дед не пояснял, вновь и вновь спрашивая себя: «Кому надо?» Вопрос учащался, оставаясь без прямого ответа. Словесные нагромождения путались, сталкиваясь и рассыпаясь на отдельные обрывочные слова и звуки. В заключение дед Николай потрясающе сложной матерной формулой подводил итог своей умственной работе

и замолкал. Потом плакал. Молча, застыв изваянием. Слезы и сопли текли по лицу, капали в миску с тюрей. Выплакавшись, дед допивал остатки «белой» и шёл в комнату бить жену. В молодые годы ему удавалось увидеть в её хищных глазах мольбу о пощаде, так похожую на мольбу о любви. Но это было давно, когда дети были маленькими, а он молодым и сильным.

Теперь же любой из нас легко заваливал деда на кровать и связывал ему руки. Он долго лежал беспомощный, жалкий, тихо плакал и в конце концов засыпал под стук швейной машинки.

С середины ночи Антонина Дмитриевна деда развязывала и ложилась спиной к нему в постель. Через тонкую стенку я слышала звуки соития, длившегося довольно долго, и сдавленные стоны оргазмов.

Наутро начинался новый отсчёт. В первый день дед Николай был ласков ко всем, особенно к жене. Они мирно беседовали. Антонина Дмитриевна, не отрываясь от машинки, то и дело повторяла своё «денег нет», на что дед Николай любовно отвечал: «Не пизди». Припоминая вчерашнее, он ласково называл себя идиотом, выносил мусор, даже ходил в «магазин» – за продуктами. И ждал «третий день».

Коляня

На лесной тропинке в пьяном аромате черемухи он протянул ей букетик синих колокольчиков. Она благодарно улыбнулась в ответ. Он попытался её обнять. Она отпрянула и ушла к общему костру. Он долго не появлялся, и она почему-то вернулась на тропинку. И они поцеловались. Всего один раз.

С той минуты в ней поселилась радость. И теперь она считала дни его дежурства. И когда выпадала его смена, тайно, чтоб никто не догадался, была весь день счастлива.

Никто и не догадывался. Над Матвеевым, по убеждению коллектива, совершенно безнадежно волочившимся за Верой Владимировной, по-прежнему открыто потешались. Напарник и друг Николай Борисович всё так же подтрунивал над ним, предлагая всем полюбоваться на «картину маслом» под названием «Дама и два рыжих бобика».

Картина была действительно живописной: она – стройная брюнетка с грустным взглядом больших серых глаз на миловидном лице, в элегантном костюме, гордо вскинув голову, деловито стучит высокими каблуками по коридорам здания горэлектросети; за ней семенит маленькая рыжая собачонка, пригретая когда-то её мужем и оставшаяся теперь только на её попечении вместе с котом и больным ребёнком; а за ними, как привязанный, шаркает сапожищами он – коренастый

рыжий парень в грязном рабочем комбинезоне и нелепой вязаной шапочке.

Когда она входит в какой-нибудь кабинет, свита терпеливо ждёт за порогом. И если случается ей, выйдя, обнаружить только дворнягу, она печалится. Но этого на «картине маслом» не должно быть заметно. Не должно быть заметно и того, как из окон разных кабинетов, выполняя свои серьёзные обязанности начальника высоковольтной лаборатории, она выглядывает появление белого автобуса с ярко-красной надписью по борту «Аварийная электросеть», один вид которого удваивает тайно живущую в ней радость, не говоря уж о водителе, которого она называет Коляней. Этого на «картине маслом» не должно быть заметно потому, что, во-первых, она начальник, а он простой водитель-электромонтёр, во-вторых, она старше его на целых семь лет, и в-третьих, он женат. К тому же парень несерьёзный. Балагур и гуляка. И вообще, всё это – глупости, и был-то один поцелуй, и ничего больше быть не должно.

Но как же радостно слышать ей шарканье его сапожищ у дверей лаборатории. А когда он просовывает свою крупную рыжую голову в полуоткрытую дверь её кабинета и корчит смешную рожицу, как же непросто ей выглядеть сердитой:

– Не мешайте работать, Николай Дмитриевич, закройте дверь и идите... идите и идите.

Его губы, умеющие целовать так, как никакие другие, рас-

плываются в улыбке, обнажив ряд мелких зубов. Синие-синие глаза озорно блестят из-под нелепой вязаной шапочки, небрежно натянутой на белёдые брови. Нет, сердиться на него решительно невозможно. И она, каждый раз забыв обо всём, заливается смехом.

Но сегодня она избегает встречаться с кем-либо, из кабинета почти не выходит и весь день не снимает солнцезащитные очки. Собачонка покорно дожидается у дверей, радостным вилянием хвоста приветствуя редких посетителей. Редких, потому что коллектив горэлектросети сложился большей частью из людей тактичных. За одним исключением:

– Похоже, Веркин бывший опять приложился, – вкрадчивым полушёпотом не без удовольствия и так, чтобы слышно было всем в автобусе, объявляет недавно принятая на специально для неё назначенную ставку инженер по труду Алёна Игоревна. – Соседи говорят, когда он от новой жены из Эстонии к матери своей приезжает, всякий раз вламывается к Верке. Очки вон нацепила в дождь, будто никто ничего не понимает.

Белый автобус с ярко-красной надписью по борту «Аварийная электросеть» резко останавливается и начинает разворачиваться.

– Николай Дмитриевич, вы обещали меня после осмотра подстанций до дома подвезти.

– Алёна Игоревна, использовать дежурную машину в лич-

ных целях запрещено. Высаживайтесь, – водитель резко вывернул руль и нажал на тормоз. – И поторопитесь. Здесь остановка запрещена.

– Но я должна проверить наличие средств защиты на 36-ой подстанции. Мы туда направлялись, не так ли? К тому же это рядом с моим домом, – обиделась Алёна Игоревна.

– Чтобы проверить наличие средств защиты, институтов кончать не обязательно. Да, Борисыч? И нам, Алёна Игоревна, на базу срочно надо ехать.

– Да, нам надо на базу. Срочно. Я совсем забыл, дурак старый. Да-да, диспетчер по рации связывался, когда вы на подстанции были, – всегда готовый прийти на помощь Борисыч взглянул на часы, – м-м-м... к пяти часам, то бишь через пять минут.

Вера Владимировна, положив локти на высокий подоконник, смотрит на нескончаемый дождь и старается успокоить себя тем, что на этот раз её сынок, слава богу, не был свидетелем вчерашней сцены и что сейчас он греется под сочинским солнышком. Как здорово, думает она, что её родителям удалось отыскать там какую-то целительницу и есть надежда, что мальчик скоро будет здоров. Сейчас это главное. А с бывшим мужем она как-нибудь уладит. Может быть, попросить защиты у милиции? Но кто может запретить ему входить в квартиру? Он является её собственником. И главное, Вера **никому никогда** не скажет, что её бывший муж,

будучи уже несколько месяцев женатым на другой женщине, приезжает за триста километров, чтобы взять её силой. Это стыдно. Почему он не оставит их в покое? Он избавил себя от обязанностей отца больного ребёнка. Он уговорил её не подавать на алименты и денег присылает мизер. Он взял всё, что они вместе заработали, перепродавая закупленную по деревням клюкву. Разве не перебирала она тонны ягод сутками, разве не засыпала ночами за рулём машины, доверху гружённой мешками, разве не стояла на базаре с раннего утра до поздней ночи? Машины забрал и одну, и вторую, оформив обе, как и гаражи, на свою мать. Теперь, похоже, пытается вынудить её сбежать к родителям и оставить ему квартиру. Но кооперативная квартира куплена на деньги её родителей. Нет, она должна выстоять ради будущего её ребёнка, ради покоя родителей и... ради того, чтобы хоть иногда видеть этого рыжего оболтуса... Нет, нет, вот это уже глупости, это пройдёт.

Горькие её думы прерывает осторожный стук в дверь.

– Да, войдите, – быстро отерев слёзы, отзывается она, продолжая смотреть в окно.

Она знает, что вошёл он, догадалась по шагам, к звуку которых уже целых три недели вопреки здравому смыслу прислушивается с замиранием сердца. Она не хочет, чтобы он видел её заплаканной и в этих нелепых очках.

– Вера Владимировна, просто позвоните мне, когда он в следующий раз появится. Так, побазарю, убивать не буду,

хотя стоило бы. Обещаете?

– Да. Спасибо, – не сразу отвечает она, не оборачиваясь.

Он бесшумно выходит, аккуратно прикрыв за собой дверь, но через минуту стучит так громко, что она испуганно оборачивается. А он, просунув голову в щель, корчит потешную рожицу. И на её припухшем от слёз лице расцветает улыбка.

Нет, конечно, она никогда не сделает этого. С какой стати впутывать чужого человека в свою личную жизнь?

Но когда под её окнами в очередной раз истерично взвизгивает тормозами так хорошо знакомая ей «Нива», она бросается к телефону.

– Николай Борисыч, добрый вечер. Как там дела?

– Алё! – это уже голос Коляни. – Да, Вера Владимировна. Всё нормально. Не волнуйтесь. Я оставлю Борисыча на телефоне, сам сгоняю на 21-ую подстанцию, похоже, забыл там указатель.

– Да-да, конечно, – Вера кладёт трубку, так ничего не поняв.

Но Коляня понял всё правильно и влетел в квартиру минут за десять до того, как хлипкий замок от мощного удара ногой в дверь беспомощно клацнул и в прихожую ввалился экс-муж.

– Ну что, жена, мужа встре... – орёт он, уверенный в своей безнаказанности. И умолкает, тщетно пытаясь сфокуси-

ровать взгляд на фигуре крепкого рыжего парня, непонятно откуда взявшегося в его законной квартире.

– Давай, друг, с вещами на выход, – в голосе Коляни звучат незнакомые доселе командные нотки, и она думает, что судьба что-то напутала, раздавая им должности.

Мужчины с громким топотом и пререканиями сбегают по лестнице, всполошив весь подъезд. Вера, мучаясь стыдом и страхом, мечется от одного окна к другому. Она боится за Коляню, и только за него. Он, конечно, спортивный парень, но всего лишь футболист, а бывший муж в прошлом успешный боксёр.

Боже мой, зачем я позвонила, пусть бы было как было, малодушничает она, пытаюсь понять, что происходит внизу у подъезда. Но ничего не может разглядеть. Наконец в шелухе матерных слов различает ставший вдруг хриплым голос мужа:

– Это моя жена. Я её люблю.

– Была... твоя... станет моя... потому что... потому... это я её люблю, – доносится, чередуясь со звуками ударов, голос Коляни.

И ещё несколько внушительных шлепков.

– Хорош, – просительно произносит кто-то из них.

Грохнула подъездная дверь. Шаги по лестнице. Вера замерла в ожидании худшего. Но в квартиру входит живой, невредимый и улыбающийся Коляня:

– Собирайтесь. Вам нельзя сегодня здесь оставаться.

От этого уroda можно чего угодно ожидать.

Когда Вера просыпается на потёртом дерматиновом диване в диспетчерской, заботливо укрытая Коляниным ватником, он сидит рядом на стуле и смотрит на неё.

– Доброе утро, сеньора. Как вам на новом месте? Приснился жених невесте? То есть я?

– Я могу пойти домой, как вы думаете? Мне надо переодеться, – смущаясь, отвечает она вопросом на вопрос.

– Не думаю, а знаю. Можете. Но прежде мы с вами заедем к нашему вчерашнему гостю с ответным визитом и повторим урок. Меня в детдоме учили, что повторение тире мать учения.

– Только без меня и без драк.

– Как прикажете.

Как показало время, урок экс-муж запомнил твёрдо.

– Вера Владимировна, пошлите кого-нибудь с дежурными на 26-ую подстанцию. Надо замерить изоляцию трансформатора.

– Я сама поеду, Александр Исаакович, все заняты.

– Хорошо. Так даже надёжней. Оденьтесь только теплее, очень морозит, – свою некомпетентность главный инженер компенсирует проявлением трогательной заботы.

Она усаживается так, чтобы видеть водителя. Ей нравится смотреть на его прямой профиль, тонкие губы, на сильные кисти рук, небрежно держащие руль. Даже на то, как он бес-

шабашно крутит во все стороны своей рыжей башкой, провозжая каждую юбку. А некоторым девушкам ещё и сигналиит вслед. Нет, на это ей совсем не нравится смотреть.

За Коляней последнее время всё прочнее укрепляется репутация бабника. Дурной пример его стареющего наставника заразителен. К тому же Алёна Игоревна на поприще сплетен трудится неутомимо. Вера всякий раз с замиранием сердца выслушивает всезнающую Алёну, пытаясь понять, что известно ей, а стало быть, и всем об их с Матвеевым отношениях. Но, судя по всему, не скрывая побед над другими женщинами, даже похваляясь ими, отношения с ней Коляня по-прежнему держит в тайне. Даже от Борисыча.

Николай Борисыч ещё тот ходок, невзирая на жёнину бдительность, следы которой время от времени появляются на его аристократическом лице.

В прошлую смену явился на работу с расцарапанным лицом, печальный и злой. И почему-то с псом Графом, гордостью его суровой супруги. Вид у Графа был не графский, а очень даже жалкий и понурый.

К концу смены Борисыч поведал очередную мелодраматическую историю из своей бурной жизни:

— Это ж моя для престижу, понимаешь ли, на мои кровные деньги этого гада купила, а гулять с ним ей не с руки оказалось. То слишком ей рано, то слишком ей поздно. Барыня ху... ва. Меня наладила. Коля, ну ты Катьку знаешь, ну ту,

которая в доме, что напротив моего, живёт, крайний подъезд слева? Ох, зверь баба, скажу я вам. Мечта поэта. Мадам Грицацуева рядом с ней – цыплёнок по рубль двадцать. Ну так чего зря по двору болтаться? Мы к Катюхе и заживали с Графом каждый раз минуток на двадцать того-этого...

Такого же небесного цвета, как у Коляни, но уже тронутые возрастной водянистостью глаза Борисыча вспыхнули сладострастным огнём, но тут же погасли, обратившись в сторону покаянно косящего на него чёрным глазом красавца добермана.

– Хватил я вчера лишнего. Ну и попёрся прямиком к Катьке, как ты меня у дома выгрузил. Что кураж зря терять? Барыня-то моя ху... ва нос от меня пьяного воротит, а Катька и сама махнёт пузырьёк, глазом не моргнёт. Ну, понимаешь ли, раз меня дома нет, моя графиня, куда деваться, пошла Графа выгуливать. А этот гад и поволок её по нагулянной тропе к дому напротив, да в крайний подъезд, да к Катькиной квартире. Та ж его подкармливала колбаской, что с мясокомбината притыривает. Ну чтоб он нас от дела не отвлекал. Моя – ага, чё такое? Давай трезвонить в дверь. Эта дура Катька соскочила, вся томная, и нет, чтоб в глазок поглядеть, сходу дверь и распахнула, здрасьте вам. Моя её в сторонку аккуратно отодвинула и за псом в квартиру шасть. А там я, сам понимаешь, в чём одетый. Ни в чём. Ну и... Как это хозяйство не оторвала? Пожалела, авось сгодится. Может, ещё примет? Как думаете? Раз не оторвала. Кать-

ке-то что? Она руки в боки и говорит моей, мол, старушка, совесть имей, попользовалась – хватит с тебя, дай теперь другим людям попользоваться. Моя в ответ: «А х..й тебе!» – я понимаю бы – Катьке, так она мне в рожу вцепилась. А Катюха в дебаты вступать не стала в поисках консенсуса. Всех под зад коленом. И мою, как она ни трепыхалась, и Графа этого грёбаного, ну и меня тоже. Вот тебе и весь консенсус.

Все хохотали до слёз. Даже Вера, хоть и сверлила сердце мысль, не имеет ли и её Коляня такую же Катьку или Надьку. Алёна на что-то подобное не раз намекала.

Малыш кричит и ворочается. Надо вставать, но сон тяжёлой гирей тянет в беспамятство. Только пять утра. Господи, что же ему не спится, сквозь тяжёлую, дрему думает она. Надо вставать, надо вставать, сварить кашку, покормить его, собрать и оттащить в садик, пока ещё не принято решение об отчислении по причине отсталости в развитии. Он такой тяжёленький стал и совсем не хочет идти ножками. Всё время просит кушать, сытости не понимает. Господи, как мне его вылечить? Где денег взять? Где достать этот церебролизин? Сегодня предстоит весь день на холоде провести. Надо искать повреждение кабеля. С новым прибором только она пока разобралась. А вечером мыть полы во всём здании. Спасибо, директор позволил поработать вместо приболевшей тёти Маши. А что хорошего сегодня? Коляня! Да, сегодня его смена.

Борисыч наконец открыл примороженный замок. Вера распахивает дверь ячейки и подносит указатель к шине. Пальцы в защитных резиновых перчатках при тридцатиградусном морозе с трудом удерживают указатель. Внезапная вспышка ослепляет её. Она не сразу понимает, почему отлетела к противоположной стене и осела на пол. Сразу над ней возникает безбровое, покрасневшее от ожога лицо Коляни.

– Ты в порядке? Не ушиблась? Так, слушай внимательно: Борисыч ничего не видел, я тоже. Сейчас переключимся. Никто ничего не узнает, – в его голосе опять звучат жёсткие командные нотки.

– А как же ожоги?

– Мелочи. Никто не заметит. Заживёт. До свадьбы.

– Если до нашей, то наверняка, – Вера трясущейся от волнения рукой дотрагивается до его лица. Непростительная ошибка для неё, инженера высшей квалификации. О работе думать надо, такая невнимательность могла стоить ей жизни, ведь синтетическая шубка вспыхнула бы вместе с ней, как факел. Если бы не он.

– Нормально, – смеётся Коляня, – жить буду. Главное, ты не сгорела. Вот тогда б я точно сдох.

– Типун тебе на язык.

– Согласен на два типуна.

Автобус влетает на территорию предприятия, лихо разво-

рачивается и останавливается рядом с молодой женщиной, держащей за ручку мальчугана. Коляня выскакивает первым, забыв помочь Вере Владимировне, хватает на руки ребёнка и целует женщину.

Веру бьёт озноб. Она ревностно отмечает на женщине натуральную песцовую шубку, модные, явно дефицитные сапожки, меховую шапочку. Она вдыхает аромат французских духов. Пуазон. Он подарил ей такие же летом, когда всё начиналось. Женщина выглядит счастливой. Она приветливо улыбается начальнице своего мужа.

– Познакомьтесь, Вера Владимировна, это моя жена, – ничуть не смущаясь, говорит Коляня.

– Лена, – протягивает руку женщина.

– Простите, Лена, у меня грязные руки, – с дрожью в голосе отказывается от рукопожатия Вера. – Работа у меня такая. И вообще, простите меня.

Комок, сдавивший горло, мешает ей дышать. На ослабевших вдруг ногах она бредёт в сторону лаборатории. В коридоре стоит тошнотворный запах грязных портянок, трансформаторного масла и ржавых, залитых мужской мочой унитазов, которые ей предстоит мыть каждый вечер.

Плохо сознавая, что делает, Вера подходит к стенду высоковольтных испытаний. Осталось только войти внутрь, заблокировать дверь, протянуть руку через ячейку сетчатого ограждения и включить напряжение. И всё. Всё кончится.

Ну что, что произошло? Увидела жену. Но разве она

не знала о её существовании? Разве не она сама сохранила этот брак в конце концов?

Нет, она его не заметила тогда в сквере, глянув вскользь из-под вуальки.

После он признался, как бешено заколотилось его сердце и, кажется, даже остановилось на какое-то время. С этого мгновения думать он мог только о ней и днями носился по городу в надежде снова её встретить. И встретил в том же сквере, но она держала на руках маленького ребёнка. На пальце правой руки сияло обручальное кольцо. В тот же день он пошёл на танцы в ДК и очень скоро был вынужден жениться, потому что девчонка, чем-то похожая на незнакомку, пригласила его на танец и тем же вечером забеременела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.